18+

Сергей Швей

Рыба

Повесть

Сергей Швей
Рыба. Повесть

https://litres.ru/74958558
ISBN 9785007170123

Аннотация

Что остаётся от человека, когда память становится палачом, а время — архитектором? Герой повести — глубоководная рыба, выброшенная на берег реальности. Три части — три круга ада: город, сон, память. Он ищет смысл, но находит лишь отражения.

Экзистенциальная проза о невозможности побега от себя. О том, что каждый из нас — рыба, плывущая по кругу, даже когда вода давно ушла.

Содержание

Часть 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Рыба
Повесть

Сергей Швей

© Сергей Швей, 2026

ISBN 978-5-0071-7012-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Холод. Холод и темнота. Холод и темнота окружали меня со всех сторон. Я чувствовал себя реликтовой глубоководной рыбой, которая не знает ничего, кроме холода и темноты. Рыбой, которая полагается лишь на инстинкты, что формировались в ней годами, десятилетиями, веками. Мерные, тихие потоки тёмной воды, казалось, даже не скользили — они замерли. Это была минута безвременья. Час безвременья. Вечность. Что я? Кто я? Зачем я здесь нахожусь? Обрывками проносилось в моей голове. Может быть… А что может быть? Непонятно. Неизвестно. Мысли то приходили, то покидали меня. Приходя, путались, не принося с собой ничего связного. Я — рыба. Вот я под толщей воды. Под толщей, которая может раздавить любое живое существо. А я здесь, под ней. Это моя среда. Это мой дом. Дом? Да, что-то похожее на дом. Тёмное, холодное, непроглядное, но что-то собственное. Моё. Я — рыба. Где-то в глубине иногда мелькали люминесцентным светом фонарики других рыб: хищных, древних, хитрых. Где-то вдалеке. Да, кто-то ещё есть. Кто-то. Кто-то и где-то. Это тоже их дом. Они… А где они? Где-то далеко, а может быть, пугающе близко. Здесь этого не понять. Здесь время остановилось. Здесь всё остановилось. Эта жизнь, это существование, а может быть, ни то ни другое — это что-то неясное, непонятное. Я — рыба, а рыба

ли я? Какая цель у рыбы? Жить, плыть. А если я не плыву? Если я не живу? Какая же я тогда рыба? Может быть, я коралл? Хотя у кораллов тоже есть своё предназначение. Я где-то слышал, что кораллы помогают очищать воду, у них есть своя роль, своя цель. А у меня цели нет. Да и кораллы не могут жить на такой глубине. Кораллы… Хмм… Что такое коралл? Я даже не знаю, что это. Почему мне пришёл в голову этот вопрос? Почему именно коралл? Почему я рыба? Темнота и холод. Темнота, холод и пустота. Ничего вокруг нет. Ни-че-го. Это ли вечность? Думаю, что нет. Вечность. Вечность — она совсем другая. А какая она? Никто не знает. Все, кто видел вечность, не могут поделиться этим знанием. Вечность… Что-то есть в этом слове. Что-то таинственное, манящее и абсолютно недостижимое. Вечность. Может быть, вечность — это и есть бесконечный океан? Бесконечный океан. Тогда логично предположить, что в этой вечности можно раствориться. Исчезнуть без остатка. Стать маленькой каплей в огромной толще воды. Маленькой каплей. Песчинкой. Песчинкой на дне? А есть ли у океана вечности дно? Пожалуй, что есть. И что же ждёт на этом дне? На самом-самом дне, куда никогда-никогда не долетают лучи Солнца. Солнце. Я знаю, что такое Солнце. Солнце — это… А может, и не знаю. Это что-то из детства — Солнце. С его лучами, с его теплом. С его мерным ходом с востока на запад. Солнце.

Мысли о Солнце были последними, что пришли мне в голову. Уши начал раздирать мерный звон будильника. Я нехо-

тя открыл глаза. Да, холодно, но уже не темно. Я поёжился. Холодно. В квартире и правда было холодно. Несмотря на майские дни, температура была ниже нормы, а отопление уже давно отключили, и я кутался в утлое одеяло, пытаясь открыть свои глаза. Нет, глаза я уже открыл. Я щурился, пытался сфокусироваться. Сфокусироваться на чём-то. Может, даже на этой стене — на этой простой, неровной стене, оклеенной обоями. Будильник продолжал верещать. Нужно было подниматься. Этот звук меня раздражал. Звук высокочастотный, противный, скрипящий, мерзкий. Но в то же время этот звук смог вырвать меня из тех дум, из тех ночных кошмаров. Хотя я не знаю, было ли кошмаром то летаргическое состояние, в котором я находился этой ночью. Надо вставать. Я перегнулся через кровать, протянул руку, взял верещащий телефон, на котором стоял будильник, привычным жестом отстегнул от него шнур питания — он рухнул на пол обессилевшей змеёй — и отключил источник раздражения.

Первое моё желание, которому я всегда потакал, было вновь рухнуть на кровать. Поправить подушки, принять полулежачее положение и ещё немного отдохнуть. Так я и сделал. Теперь телефон лежал рядом. Что же мне готовит новый день? Новый день… Удивительное выражение. День новый, а ощущения старые. Чем я буду заниматься? — думал я. Столько свободного времени. Наверное, тем же, чем и обычно: сейчас я встану, приведу себя в порядок, потом выпью кофе. Да, кофе. Кофе был тем маленьким, но неизменно ра-

достным ритуалом, который я позволял себе почти каждое утро.

Каждое утро я совершаю ритуалы. Не знаю и не помню, почему я им следую и зачем они нужны. Почему они выстроились в ту последовательность, в которой я их исполняю? Они просто есть. Просто заполняют моё утреннее время. Дают мне ощущение бодрости, дают, как бы это смешно ни звучало, определённый элемент стабильности в моей жизни. Что бы ни происходило, будут происходить и они. А самое важное — они тратят моё время. Они помогают сократить мой день, сократить срок какой-либо деятельности. Только за это стоит сказать им спасибо.

Самое забавное, что за колоссальное количество прожитых лет даже длительность всех этих ритуалов стала своего рода стандартизированной. При желании можно рассчитать, сколько они продлятся, когда начнутся, когда закончатся. Это позволяет и проще, и быстрее, и понятнее их переносить. Будто сама их цель, само существование — покончить с ними до нового возникновения. Давайте же покончим с ними и сегодня.

Открываю врата своего донжона, чтобы моё сиятельство могло торжественно пуститься в своё очередное утреннее путешествие. Пробираюсь через изгибы лестницы. Открываю ещё одну дверь, и вот оно пространство, вот он мир. Вот она жизнь.

Лучи солнца, пробиваясь через листву, создают приятный

мягкий зелёный свет. Ветер. Уже не такой холодный, он стал тёплым. Меня уже ждут. Уже здесь. Уже вокруг. Люди. Ах, эти люди одеты в яркие ландскнехтские одежды. Удивительно, как при таком разнообразии они умудряются так обезличить свой внешний облик: одежда яркая, а лица серые. Их голова принимает два положения, а, если быть точным, положение одно, только углы разные. Это либо угол, который склоняется к экрану телефона, либо угол, который неотрывно смотрит в землю. Хотя понятие «земля» здесь не совсем уместно. Их угол скорее смотрит в бесконечную переливающуюся асфальтовую реку, которая, как мне теперь кажется, уже не имеет ни начала, ни конца. Она будет продолжать течь, становиться всё больше и больше, всё бесконечней и бесконечней.

В этих холодных телефонных экранах, про которые я уже упомянул, заключена новая человеческая истина, маленький осколок их священного грааля. Потрясающе. Социальные люди, живущие в социуме, посвятили свою жизнь социальной изоляции. Циркулем расчертили границы собственного мира.

Бог с ними. Сейчас у меня другая цель. Как опытный лоцман, я выбираю знакомый курс в этой асфальтовой реке, который приведёт меня к бодрящему напитку — моему побудителю и стимулу покинуть свой мрачный замок и выйти в этот интересный и скучный мир.

Весь десятиминутный путь в одну сторону уходит на жа-

лобы или восхваление погоды, которая установилась в этот день, визуальный поиск интересных персонажей и манёвры по уклонению от снующих по тротуару курьеров. Занимательная эволюция: раньше тебя могла задавить лошадь, потом автомобиль, а теперь человек, спешащий на самоходном велосипеде. Эволюция, как она есть.

Измеряя шаги, измеряя время, жду знакомые повороты. Стою на до боли знакомом и родном светофоре, чтобы перейти дорогу. Установил визуальный контакт с местом моего конечного назначения. Один подъём по лестнице, и вот она, станция моего персонального допинга. По-утреннему пустая, я бы даже сказал, пустынная, она ещё хранит в себе остатки предыдущего дня: отголоски чьих-то разговоров, мыслей, встреч, обсуждений. Подхожу к замечательнейшему терминалу, придуманному, видимо, специально для социофобов, с возможностью самостоятельного совершения заказа. Интересно, что среди этих электронных столбов есть тот, который я по странному стечению обстоятельств называю своим, и если он бывает занят, я внутренне негодую и порицаю наглеца, который позволил себе подобную дерзость. Но, отбрасывая лирику, это прекрасное изобретение, великолепное. Меньше всего мне сейчас хочется с кем-то общаться. Хотя при получении заказа общаться, хоть и короткими словами вежливости, придётся.

Палец автоматически нажимает на кнопки. Скоро я смогу заниматься этим уже с закрытыми глазами. Полдела сдела-

но. Идут минуты ожидания. Мгновение нетерпения. Дежурные фразы. И вот то, за чем я пришёл, — у меня в руках. И вот тут начинается одна из нелогичностей моей жизни: я беру вожделенный кофе и иду обратно домой. Мне незачем возвращаться домой. В этом нет никакого смысла. Более того, когда я вернусь домой, то посижу пару минут и продолжу своё долгое дневное путешествие. Однако я всё равно раз за разом, день за днём совершаю этот десятиминутный кульбит обратно.

Выпитый по пути кофе. Выкуренная по пути сигарета. Дверь подъезда. Лестница. Дом. Никакого сакрального смысла. Никакой обозримой цели. Просто действие. Просто ритуал. Очередной ритуал из ритуалов.

Набиваю портсигар новой табачной отравой. Нервно проверяю, не забыл ли я чего-нибудь. Потом перепроверяю, а иногда и перепроверяю перепроверенное и отправляюсь в новую вылазку. Она будет дольше и не будет последней. Самое сложное в ней — это выбрать маршрут. Мои маршруты проложены кругами, их несколько. Есть утомительные и длинные, короткие, живописные. Есть просто тонизирующие. Можно пойти по часовой стрелке, а можно против. Кого я обманываю: всё это лишь иллюзия выбора, ведь первый маршрут всегда долгий и всегда идёт против часовой стрелки. Не буду изменять себе и в этот раз.

Ноги уже несут меня на автопилоте по извилинам светло-серых дорог, где меня ждут маленькие и странные развле-

чения.

Просачиваюсь сквозь людские потоки и бесцеремонно вслушиваюсь в чужие разговоры, жадно ловлю их обрывки, как ветер подхватывает опавшие листья. В этих разговорах — проблемы, волнения, радости, какие-то житейские мелочи. Совершенно нет глубоких смыслов, глубоких раздумий, переживаний, экзистенциальных тем и прочей лабуды. Это прекрасно. Эти люди наследуют Землю. В этом что-то определённо есть. Они не думают о будущем. Они зациклены на простых и понятных вещах: на своих мелочах, на своих бытовых проблемах, на своих жизнях. Думают о том, что они будут есть сегодня на ужин или завтра на завтрак. Они прекрасны. Их секрет прост и изящен. Для них будущее — это настоящее. И они живут в этом настоящем. Своим настоящим эти люди конструируют будущее, сами того не подозревая. Своими маленькими простыми делами. Своими маленькими шажками куда-то, куда они и сами не знают. Они уже в будущем. И именно поэтому весь мир принадлежит им. Мир принадлежит таким, как они. И в этом мире совершенно нет места таким, как я.

Нет места людям, у которых настоящее — это такой же призрак, как прошлое или будущее. Которые задают сложные вопросы, ответы на которые скрываются где-то очень далеко. Это сродни размышлениям о причине и следствии. Причинно-следственные связи, несомненно, существуют. Несомненно, существуют и судьба, и предназначе-

ние. Вопрос только в том, что мы не способны это постичь. Наш мозг работает не в полную силу, и это благо. Потому что, если бы наш мозг работал на полную мощность, мы все либо стали бы гениями, либо сошли с ума. А может быть, просто воспринимали бы существующую реальность совсем по-другому. Ну, это второй вопрос. Возвращаясь к связям: у них есть маленький трюк, который и сложно, и просто понять — все такие связи растянуты во времени. Мы никогда в момент поступка не можем понять, зачем он совершён. Лишь спустя дни, месяцы или годы мы вдруг наталкиваемся на то, что всё это как-то взаимосвязано. В голове возникает фраза: «Я не оказался бы в этой ситуации сейчас, если бы не произошли такие-то ситуации в прошлом». И мы выстраиваем эту связь. Прочерчиваем карандашную линию между действиями. Но когда в нашей голове возникает эта фраза, мы совершенно не понимаем, что готовит нам это действие, ставшее следствием этих причин. Какому следствию оно станет причиной? Это сложные вопросы. Они совсем не обременяют этих прекрасных людей: те продолжают медленно идти и обсуждать такие простые, такие человеческие проблемы.

Перевожу взгляд с людей на небо. Наивно считаю этот жест своей отличительной особенностью, своей позой.

Наверное, у меня парейдолия. В небе я всё время вижу странные образы и картины. Они возникают, меняются. Это целое театральное действо. Чаще всего это животные, фи-

гуры людей, черепа, ангелы. Всё это иногда крайне очаровательно раскрашено густыми красками солнца. Иногда эти образы, как бы это неуместно ни звучало, воздушные и лёгкие, а иногда написаны тяжёлыми свинцовыми красками.

У меня есть семейная история. Кем-то рассказанная и мной подслушанная. В один прекрасный день кто-то из моих далёких родственников, находясь в состоянии глубокой задумчивости, взглянул на небо, по которому плыли облака, освещённые закатным солнцем. И вот эти облака постепенно, прямо на глазах смотрящего, стали складываться в картину, состоящую из множества образов. Сначала появилось большое раскидистое дерево. Потом начали проявляться силуэты людей. Они выстраивались один за другим. У всех были склонённые головы и печальные позы. Все они смотрели на это огромное облачное дерево, расцвеченное яркими закатными лучами. Стал понятен общий смысл картины: это была похоронная процессия. Облачная фотография с кладбища, где люди прощались с близким человеком.

На несколько минут картина замерла в небе, а потом начала расплываться. Спустя немного времени она, естественно, повторилась в точности в реальной жизни. Кто же вы такие, облака?

Со стороны, наверное, странно и нелепо так пристально смотреть наверх, не сбавляя темпа движения. Раньше я думал, что это какие-то знаки, волшебные символы, некий шифр, который написан в небе специально для меня. Тре-

буется только внимание, усидчивость и доля смекалки, чтобы разгадать его. А потом появилось простое и ёмкое слово «парейдолия», и всё в одночасье обесценилось, обмельчало. Утратило частичку своего шарма.

Я всё так же могу часами разглядывать небо. Могу и делаю это в любую свободную минуту. Но уже без налёта какой-то элитарности, избранности и сакральности. Смешно и грустно.

Но вернёмся на землю. Раньше я полагал, что всё моё движение по маршруту хаотично. А потом выявил закономерности в каждой из составляющих его частей. Одна из таких закономерностей: оживлённые улицы чередуются с глухими участками, где совершенно невозможно встретить живого человека. На таких участках мимо тебя обычно пролетают только кометы машин, оставляя за собой хвост выхлопных газов. И больше ничего. Водителей машин в такие моменты я позволяю себе не считать живыми. Когда машин нет, тебя окружает невероятная тишина. Контраст разбега перед прыжком в бурлящий бассейн людской массы.

Повороты, повороты. Дуга окружности. Изгибы мыслей. Мыслей всегда критически много. Бессвязно скачущих, мелькающих, перепрыгивающих с темы на тему. Простых и сложных, содержащих много вопросов и очень бедных на ответы. Пытаюсь вспомнить что-то из прошлого, хоть одно воспоминание, и поражаюсь скудности собственной памяти.

Иногда, чтобы вспомнить что-то, приходится прокручи-

вать мозг до скрипа. Почти всё детство утеряно, юность разметало подгнившими обрывками разорванной ткани. Память бессвязная и нестройная. Линии событий, мест, людей, остатки прочитанных книг, в которых местами остался либо разрозненный сюжет, либо только название и автор, — всё слиплось. Слиплось в огромный уродливый ком, который нашёл свою орбиту в моей черепной коробке и мерно и ритмично кружится и кружится.

Хочется поймать идею. Зацепиться, ухватить, попытаться её развить. Но не хватает ловкости, а часть прекрасных идей-бабочек, которые всё же попадают в мой сачок, оказывается червивыми яблоками, и я сам брезгливо откидываю их куда-то в сторону.

Чаще мысли сюрреалистические, нереальные. Бешеные псы больных фантазий, у которых нет под собой основания и которые уж тем более не имеют права на жизнь.

Иногда возникает желание стать писателем, этаким гением от литературы. Обладать талантом, невероятным художественным слогом, насмотренностью, пониманием чего-то поэтичного и недоступного. Но это не про меня.

Мне для всего этого не хватает ни таланта, ни образования. А самое главное — усидчивости. А вообще всё это можно уместить в два очень хлёстких слова «тупость и глупость». Именно они и не позволяют мне создать что-то стоящее. Даже на основе того материала, который я механически собираю во время своих длительных прогулок.

По мере того как проходишь километр за километром, фаза размышлений переходит в фазу разговора. Думаю, что это бич всех одиноких людей — говорить с самим собой. В какой-то момент губы сами начинают двигаться, рот извергает слова и пошло-поехало. Ты включаешься в этот диалог. Диалог с самим собой. Возможно, это первый признак сумасшествия. А может быть, это яркая черта одиночества. Его верный герольд и глашатай. Ты начинаешь обсуждать те самые мысли, которые ты уже успел обдумать, различные состояния, малочисленные, но всё-таки события. Приводишь сам себе аргументы, убеждаешь себя в чём-то. Начинаешь как будто слышать себя со стороны. Корректировать своё сознание, корректировать своё поведение, своё восприятие.

Можно ли считать сумасшествие очередной стадией эволюции? Интересный вопрос. Чтобы на него ответить, сначала нужно осознать суть термина «безумие». Что это такое? Отличительная особенность? Иное мышление? Отхождение от нормы?

Тогда важно понять, что такое «иное» и что такое «норма». Вот и получается, что у этой мыслительной структуры бесконечное количество этажей, которые всё уходят и уходят куда-то вверх, а может, вниз, рождая новые когорты терминологических вопросов.

Эти вопросы — как сигареты в портсигаре: кажутся бесконечными, ты выкуриваешь их одну за одной, но всегда упираешься в свой ежедневный лимит. Больше ты просто не

можешь переварить. И от вопросов ты устаёшь, они теряют свой смысл, своё предназначение, свою суть.

Тем временем я уже подхожу к своей скамейке — её я присвоил так же, как присвоил аппарат самообслуживания для получения ежедневного кофе.

Она мой пит-стоп, мой оазис перед финишем первого почти дантовского круга прогулки. Здесь я восстанавливаю силы. Здесь провожу ревизию оставшихся табачных гильз. Здесь придумываю себе планы на незаполненную часть дня.

Сижу и смотрю на проходящих мимо людей. На проходящих мимо собак.

Люди выгуливают собак. Собаки выгуливают людей. А на небосводе продолжают плыть облака, гонимые ветром. И, что удивительно, именно здесь облака не содержат никаких образов. Наверное, более уместно употребить слово «почти» и избежать обобщения, но образы именно здесь предельно редки.

Возникает особая атмосфера, иная оптика, взгляд переключается. В конце концов, своя пустота под шум проезжающих машин на заднем плане. Своё особое ощущение.

В голове гнетущая чушь, извивающаяся изгибами города. Консервированного города, пропитанного запахом сюрстрёмминга. Места, где я прожил всю жизнь, которое я знал раньше. А теперь, признаться, частенько не узнаю. Всё изменилось, поменяло окраску. Стало каким-то стерильно-новым. Каким-то незапоминающимся. Унифицировано, стан-

дартизировано. Даже город умудрились подогнать под шаблон.

Мест моего детства почти не осталось. Как и моего детства. Какие-то значимые уголки ещё держатся, но, скорее всего, и их скоро постигнет незавидная участь. Сменилась эпоха. Наверное, даже не одна. Произошло наслоение. Наслоение времени на жизнь.

Всё распласталось в своей похожести. В ритмичных копировальных повторениях. Больше никуда не нужно ехать в поисках впечатлений: всё под рукой, всё одинаково. Вокруг одно и то же. Протягивай руку и наслаждайся. Наслаждайся, не прилагая усилий.

Только мой скромный замок, маленький островок обитания, возведённый ещё в конце шестидесятых годов прошлого века, всё ещё держится в своём неизменном виде. Прошли десятилетия, а он не изменился ни снаружи, ни внутри. Даже его общее окружение осталось практически таким же, каким я помнил его в детстве. Редкая и счастливая судьба этого места, всё ещё окружённого со всех сторон свежей зелёной зоной. Атмосфера какой-то камерности и уютности. Оно полно ещё тем стремительно уходящим контингентом, который застал совсем другую жизнь, дышал совсем иным составом воздуха, верил во что-то — в то, во что сейчас уже не верят. Такой осколок упавшего метеорита, превращённый в жилище.

Рад, что про него все забыли. Рад, что про него забыло

даже время. Пусть он остаётся неким мемориалом. Мемориалом во славу чего-то прошедшего. Мемориалом во славу неизменности. Якорной точкой. Неким путеводным маяком. Тем местом, от которого можно начинать отсчёты.

Ведь всё, чему нас учили, оказалось ложью. Все правила, которые нам прививали, перестали работать. Правила остались, но мы перестали их соблюдать. Наступил всеобщий сумбур и хаос. Произошёл тектонический сдвиг поколений. Перелом преемственности. Рухнули связующие элементы, обрекая нас на самостоятельное постижение уже изученного.

Именно поэтому молодое поколение сейчас заново переизобретает уже изобретённые вещи: им просто никто не может объяснить, что уже существует. Не может найти слов, не может найти подходов.

Мой лексикон перестал содержать смысл. Общепринятая речь превратилась в сленг. Сленг узкой группы людей. Произошло размежевание. Очередное классовое деление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.